

Нора Георгиевна Адамян

Золотая масть

Мальчиков туго привязали к лошади мохнатой шерстяной веревкой. Дядя ни разу не спросил: «Удобно вам, дети?» Он ни разу не пошутил, не засмеялся. Младший попробовал захныкать, но бабушка испуганно и жалобно оказала: — Не плачь, дитя мое, терпи: турок услышит, беда будет...

Летняя кочевка снималась торопливо и тревожно. Прошел слух, что за Карадзором турки напали на армян, перерезали мужчин, а скот и женщин угнали на свою сторону. Бабушка хлопала себя по коленям и беззвучно причитала «Горе нам, горе нам!..» Жалобно блеяли овцы.

У дяди дрожали руки, а лицо было покрыто крупными каплями пота. Вокруг стояли круглые тихие горы, Огромный вишاپ — черный камень, похожий на большую рыбу, — четко вырисовывался на вечернем небе.

Лошадь шла, покачивая головой; младший брат все время тыкался в спину; веревка больно врезалась в тело. Овцы, как мягкие серые клубки, катились по дороге. Оганес дремал, падая на гриву лошади, и, просыпаясь от толчков, ничего не мог разглядеть в темноте. А когда он еще раз проснулся, вокруг был редкий лес и тени деревьев лежали на ярко-желтой земле. Над лесом стояла большая круглая луна. Бесшумно двигались вперед овцы, и слышно было чье-то прерывистое, трудное дыхание.

Впереди кто-то испуганно вскрикнул. Смешалось стадо. Остановились повозки. Тревожно задрожало внутри у Оганеса. Все замерло. Неподвижны были узловатые, невысокие дубы. Навстречу обозу вышел чужой человек, ведущий под уздцы коня. Человек смотрел прямо перед собой, как будто не было рядом замерших людей, повозок, скота. Лошадь его ступала легко, почти бесшумно. Она была светло-желтой масти, с пышной золотой гривой и длинным золотым хвостом. Лошадь вышла на полянку, озаренную луной, и вся засветилась. Оганес видел золотое сияние, исходившее от ее разбросанной гривы, изогнутой шеи и удлиненного туловища. Шагая, лошадь высоко

поднимала тонкие ноги. Оганес знал, что она легко может оторваться от земли и полететь над лесом. Он видел, как она неслышно перенеслась через большой черный пень. Это была чудо-лошадь, конь Джалали из бабушкиных сказок.

— Не уходи! — умолял Оганес. Ему хотелось и плакать, и смеяться. Кончились все страхи. Ничего плохого не могло случиться в эту ночь.

Потом разом, точно вздохнул, заскрипел, задвигался и тронулся обоз кочевки. Как они шли дальше, как добрались до своего села, Оганес не запомнил. Это было давно, лет сорок тому назад.

* * *

Председатель колхоза «Заря коммунизма» всегда что-нибудь выдумывал. Главное, очень трудно было угадать, что из его выдумок обернется на пользу, а что во вред. Например, ранние овощи, выращенные в парниках, — сколько было забот и мороки с этими парниками! — дали колхозу триста тысяч чистой прибыли. А с новыми домами для колхозников получилась неприятность. Дома были хорошие — на высоких фундаментах, с погребями, с большими печами. Председатель объявил, что ни в одном доме не будет тондира.

— Вселяйтесь, живите, но без тондира.

Сперва женщины смеялись и спрашивали:

— А где будем печь лаваш?

— Никакого лаваша. Пеките хлеб в духовках. Что такое тондир? Печь, вырытая в земле. Пережиток старого. Наши бабки и прабабки в такой печи готовили пищу. Должны мы от них отличаться? Надо переходить к высоким ступеням жизни.

Даже секретарь партийной организации Овсеп Азатян поддался этому красноречию. Женщины тоже согласились, но, въехав в новые дома, первым делом стали рыть тондиры.

Председатель с суровым лицом обходил дворы. За ним бежали мальчишки с лопатами и закидывали землей вырытые ямы. Два дня шла война. На третий день председателя и секретаря вызвали в райком. Вернулись они к вечеру.

Неизвестно, как узнали на селе, о чем был разговор в райкоме, но на перилах всех балконов остывал свежий лаваш.

Колхозница Шушан, мать большой семьи, уважаемая на селе женщина, сказала Оганесу:

— Ладно, не сердись ты на нас, Оганес, трудно нам от старого обихода отвыкать. А в новом доме хорошо жить, это ты правильно придумал, спасибо. Сейчас у Оганеса опять новая затея. Овсеп Азатян уже два дня думает, что получится из механизации горной фермы. Если уж это затевать, то лучше здесь, на селе. Автопоилки, грузоподъемники, кормозапарники и в других селах есть. А в горах? Где это видано, кто это делал? Непривычно! И во сколько это все обойдется? Конечно, раз в банке завелись деньги, Оганесу не терпится их растрясти. В горах у стада вода под рогами, еда под ногами. Для чего такой расход? Окупит он себя?

Овсеп хотел с кем-нибудь посоветоваться. Дело серьезное. А советоваться надо с человеком, который сведущ в деле и хоть иногда возвышает голос против Оганеса. Словом, надо идти к зоотехнику Арус.

Арус вышла к Овсепу в длинном халате, с распущенными волосами.

— У меня дело, — сказал Овсеп, глядя в землю, — приходи в сельсовет.

Арус пожала плечами, но послушалась, оделась быстро и догнала Овсепу на улице.

Стоял предвечерний голубой час, когда и звезды на небе и огни на земле еще неуверенные, неяркие. Село лежало у подножия большой горы, на пологом склоне. Новое здание сельсовета было выстроено на самой высокой точке. Остановившись у изгороди, Овсеп сверху видел ряды новых, крепких домов, поставленных на высокие каменные фундаменты. Внизу, у реки, под красной крышей белело здание школы. На другом конце, где тархтела молотилка, стояли высокие холмы еще не обмолоченного хлеба. Откуда-то тянуло сладким дымком.

— Черт знает, как серо у нас! — недовольно сказала Арус, останавливаясь рядом с Овсепом. — Зелени мало, цветов нет. Некрасиво живем!

— Цветов на лугах много, — строго оборвал ее Овсеп, — и перед клубом цветы есть! Где надо, там они есть.

— Не пойду я в сельсовет, — заявила Арус. — Скажи здесь, что тебе надо.

— Оганес ферму в горах затевает, — помолчав, ответил Овсеп, — механизированную. Строительство далеко, осень подходит. Успеем, не успеем, — неизвестно. В механизацию большие деньги вложить надо.

— Это ты все «против» оказал. Теперь «за» скажи.

— Положительные стороны тоже есть, — неохотно отозвался Овсеп, — зимой и летом скот в горах, корм на месте. Оганес хочет целину поднять, там же кормовые культуры сеять. Сырзавод при ферме.

— А энергия откуда?

— Не знаю еще. Завтра хотим с Оганесом на место ехать.

— Я с вами поеду! — решила Арус.

И, будто разговор был окончен, Арус кивнула секретарю и ушла.

Овсеп посмотрел ей вслед недовольным взглядом. Слишком просто все решают люди, которые вчера пришли в колхоз. Если бы они, так же как он, по горсти зерна, по одному барану собирали, создавали хозяйство! Если б, так же как он, голодали, мерзли, боролись за каждого работника, тряслись над каждым рублем, — легко ли было бы им швырять сотни тысяч то на хлев, то на клуб, то на какие-нибудь цветы?

Быстро темнело. Окна в домах стали светлыми и приветливыми. Куда идти Арус? К себе? В комнате пусто и тихо. Не настолько она устала, чтоб лечь сейчас на тахту и радоваться покою. Лучше всего зайти к Оганесу, поговорить о той же ферме. Ведь и в технике, и в механизации она понимает больше председателя.

Арус свернула в переулок, к высокому дому, и тут же представила себе усмешку, с которой встретит ее Афо — жена Оганеса. Всего понемногу в этой усмешке — и довольства, и превосходства, и снисхождения.

Презрительная враждебность к этой женщине возникла в Арус с того момента, когда она впервые увидела Афо.

Арус тогда только что приехала в село, никто ее не знал. Первым делом она отправилась на почту. В комнате с грязным, выщербленным полом было пусто. Только возле будки с междугородным телефоном сидели на скамейке женщина и старик. Вид у них был очень унылый.

За наглухо закрытыми окошечками фанерной перегородки раздавался низкий, хрипловатый женский голос:

— Нет, я правду говорю, что во мне люди находят, я просто не понимаю. Нос у меня ничего особенного собой не представляет, рот большой, сама черная. Ну, глаза... Только глаза и хороши.

— Ладно, ладно, Афо, не прикидывайся... Сама знаешь, что красивая.

Арус постучала в фанерное окошко.

— Подождите. Нет еще Еревана на линии! — резко ответили из-за перегородки, и разговор продолжался:

— Что красота! Ты другое скажи. У кого из председателей жены образованные? А я? Хоть один день я дома сидела? И никогда не буду сидеть! На почте работаю, политзанятия посещаю, книги из библиотеки беру, с любым человеком могу поговорить. Ты вот это скажи!

Арус стукнула в окошко кулаком.

— Кто это там? Терпения не имеете?

В распахнутое окно высунулась женщина с угольно-черными глазами и крутыми завитками стриженных волос. Выглянув, она сразу замолчала и с откровенным интересом оглядела просторный серый плащ, замшевые туфли и сумочку Арус.

— Можно дать телеграмму?

Открылось и второе окошко. Телефонистка с наушниками тоже уставилась на Арус.

— Простите меня, — сказала черноволосая, улыбаясь, — вы жена полковника Заминяна, что к отцу приехал?

— Нет, — сухо ответила Арус. — Мне надо дать телеграмму.

Женщина подперла рукой подбородок и вздохнула.

— Может быть, вы жена нового директора школы?

— Нет.

Женщина опять помолчала, не сводя с Арус взгляда.

— А чья вы жена?

В ее голосе было нескрываемое любопытство.

— Ничья. Я зоотехник. Приехала на работу.

— А-а-а... — протянула Афо и добавила небрежно: — Ты телеграмму завтра дашь. Бланки заперты, а ключ у меня дома.

Несколько раз потом Оганес говорил Арус:

— Ты с моей женой ближе сойдись. Она у меня городская, культурная.

Арус с горечью думала: «Как плохо мужчины разбираются в своих женах! Всю жизнь рядом, а ничего не понимают».

Арус старалась посмотреть на Афо глазами других людей. На торжественном вечере в честь Первого мая Арус и Афо сидели в первом ряду и хлопали докладчику. Оганес с приезжими из города гостями был в президиуме, на сцене. Арус видела, как один из гостей наклонился к Оганесу и с улыбкой сказал ему что-то, кивнув на Афо. Оганес довольно усмехнулся и взглянул на жену. Афо заметила это. Она захлопала еще громче, подалась вперед, тряхнула кудрявой головой. Блестели ее большие черные глаза, ее белые зубы, блестел шелк пестрого платья, блестели серьги в ушах. Она была яркая, как жар-птица. Арус и на себя посмотрела со стороны — сухощавая, невысокая женщина в гладком синем костюме, загорелая, незаметная...

Арус подошла к дому Оганеса и, когда уже собиралась подняться по лестнице, услышала песню. Низким гортанным голосом Афо пела:

Лунная ночь... Что мне делать с собой?

Не идет ко мне сон, не идет ко мне сон...

Скажет прохожий, встретясь со мной:

«Знать, бездомный он, знать, бездомный он...»

Арус тихо прошла мимо дома председателя.

С гор возвращались уже под вечер. Оганес ехал недовольный. Откладывать строительство до весны ему очень не хотелось. Оганес ничего не любил откладывать. Ферма в горах должна была принести колхозу огромную прибыль. Ведь даже такой пустяк, как автопоилка, сразу повышает удои молока на тридцать процентов.

— Не такой уж пустяк сделать эти автопоилки. Кстати, где ты возьмешь воду? — спрашивала Арус.

Неужели Оганес такой дурак, что даже этого не предусмотрел? В широкой ложбине, куда сбегались три горы, булькал родник.

— Надо исследовать запасы. Родник может иссякнуть, — заявила Арус.

Оганес возмущался. Не может иссякнуть родник, который существовал еще тогда, когда они совсем маленькими детьми приезжали в горы на кочевку. Сколько лет приходят к этому роднику стада, даже из Азербайджана приходят. А вишап? Вон он стоит, черная каменная рыба. Всем известно, что вишапов в старину ставили охранять воду. Значит, родник существует с древних времен.

— Вишап, конечно, сильное доказательство, — холодно ответила Арус, — но лично я больше доверяю геологам.

— Для чего ты сюда поехала? Мешать мне?

— Помогать, всегда только помогать! — рассмеялась Арус. — А энергия откуда? — тотчас после этого придирчиво спросила она.

Оганес хозяйским жестом указал на линию передачи, уходящую за горы.

— С подстанцией я договорился. Ток дадут, — сообщил он.

Овсеп посмотрел круглым, птичьим глазом и недовольно сказал:

— Еще ничего не решили, а ты уже договорился.

— Значит, по-вашему, не строить?

— Строить, — сказала Арус. — Только не этой осенью. Не успеем.

— Значит, не поддерживаете?

— Пока не поддерживаем.

Поехали обратно. Копыта коней звонко цокали по каменистой дороге. Горы возвышались одна за другой, как окаменевшие волны. Местами кудрявились

на склонах леса. Небо густо синело, и только в просвете между горами, куда ушло солнце, тянулась нежно-зеленая полоса. Въехали в лес, и сразу стало темно. Шелестели осенними листьями невысокие кавказские дубы. Их шишковатые корни, вылезая из земли, в крутых местах были как ступени лестницы, по которой осторожно сходили лошади.

Арус казалось, что она понимает сейчас все, что происходит в сердце Оганеса. Конечно, в эту минуту он ненавидит и ее и Овсеп. Потом это пройдет, но сегодня он будет жаловаться жене — с какими тупыми, трусливыми людьми ему приходится работать! И Афо участливо скажет: «Душа моя, черной завистью завидуют они тебе. Плюнь на них...»

«Почему я не могу сейчас подъехать к нему и сказать, что нет у него большего друга, чем я?» — спрашивала себя Арус. Хорошо бы сказать об этом простыми словами, но так, чтоб он понял и навсегда поверил.

Оганес резким движением остановил свою лошадь. Остановились серенькая кобылка и пегаш Овсеп. Навстречу им на поляну вышел невысокий старичок. Он вел лошадь с золотистой гривой и длинным хвостом. Лошадь была очень светлой масти, и ее шерсть, казалось, отражала желтый свет луны. Арус привычным глазом оценила удлиненные формы коня, втянутый живот, маленькую головку, небольшие сторожкие уши. Но главными в лошади были не формы, а цвет. Она казалась золотой, вся блестела, а грива ее вздымалась, как пышное светлое облако. Старичок наклонил голову и приложил руку к сердцу, приветствуя встречных. Он прошел дальше, и еще долго в темных кустах колыхалось светлое пятно.

Оганес не трогался с места.

— Вот чудесная лошадь! — вздохнула Арус.

— С азербайджанских кочевков. Они такую масть любят, — равнодушно сказал Овсеп.

— Первый раз в жизни такую вижу!

— А я видел, — неожиданно сказал Оганес. — Я видел...

Лес кончился. Широкая дорога повела по полям. Внизу, как нанизанные на нитку, ровными рядами тянулись огоньки села.

— Вы езжайте, я сейчас... Я потом... — невразумительно проговорил Оганес и, хлестнув своего коня, поскакал обратно к лесу.

— Куда он? — растерянно обернулась Арус к Овсепу.

— Ты что, Оганеса не знаешь? — махнул рукой Овсеп. — Кто скажет, что взбрело ему в голову!

Ночью Оганес сидел на кошме у костра. Далеко в горы забралась азербайджанская кочевка. Среди больших каменных глыб и гладких валунов пристроились палатки.

Несмотря на поздний час, Оганеса угостили хорошо. Под костром, прикрытый слоем земли и золы, испекся молодой барашек. Старик отгреб красные угли и вытащил дымящиеся куски мяса.

Оганес знал, что сразу говорить о деле неприлично, но ему не терпелось.

— Ты меня знаешь? — спросил он у старика.

— Знаю, товарищ Амирян, — отозвался старик, — мы не первый год сюда скот гоняем.

— У вас председатель Кязимов? Я его тоже знаю, — сообщил Оганес, доставая измятую пачку папирос и протягивая ее старику.

Потом без всякой подготовки он приступил к делу:

— Эта лошадь, что я сегодня видел, — колхозная лошадь?

— Это мой конь, — ответил старик.

Оганес обрадовался. С человеком можно быстрее договориться, чем с колхозом.

— Ничего лошадь, — небрежно похвалил он, — светлая только очень...

— Хорошая лошадь. Породистая — кяглан. Золотая масть.

— Я не говорю — плохая. — Оганес сам чувствовал, как фальшиво звучит его голос. Ничего на свете не было для него желанней этой лошади. — Ты ее не продашь? — спросил он сразу.

Старик посмотрел на Оганеса и вздохнул.

— Нет! Я ее не продам.

— Продай, — попросил Оганес.

Афо всегда говорила: Оганес покупать не умеет. Если ему что нравится, он это сразу показывает. Дорого, дешево — цены для него не существует.

— Продай! Я хорошо заплачу! — убеждал Оганес.

— Нельзя ее продать, — неохотно ответил старик.

— Почему нельзя? Какая причина? Пойдем, я посмотрю коня.

— Что его смотреть! — сказал старик, но поднялся с места.

Когда они проходили мимо шатра, женский голос окликнул:

— Ильяс!

Старик остановился. Его разговор с женщиной был похож на ссору.

— Видишь, и жена не хочет продавать, — недовольно пояснил он, подходя к Оганесу.

— С каких пор ты жены слушаешься? — подзадорил Оганес.

Стреноженный золотой конь пасся за камнями. У Оганеса забилося сердце, когда он положил руку на его тонкую переносицу и коснулся светлеющей в темноте пышной гривы. Ему казалось, будто сбывся давний сон, будто что-то недостижимое далось наконец в руки и теперь только надо удержать, не упустить, иначе проснешься с чувством острого разочарования.

— Продай! — умолял он. — Нужен мне этот конь!

— Дорого стоит, — наконец решительно проговорил старик.

— Сколько?

— Дорого, — упрямо повторил Ильяс. — Двенадцать больших баранов стоит.

Цена была невозможная. Хорошая рабочая лошадь стоила две тысячи.

Породистых коней Оганес покупал для колхоза по четыре-пять тысяч за голову. Если считать, что большой баран стоит рублей семьсот, то старик запросил за лошадь больше восьми тысяч.

— Много хочешь.

— Много хочу, — легко согласился Ильяс. — Не стоит покупать. Айда, спать пойдем.

— Ну, десять баранов! По рукам?

Оганес не знал, есть ли у него десять баранов. Он и не думал об этом. Ходят какие-то его бараны в стаде. Не хватит — он их докупит. Торговался он потому, что так полагалось.

— Нет, — упрямо сказал старик, — двенадцать больших баранов.

— Ладно. Забираю лошадь.

Ильяс был раздосадован. Он пробормотал какое-то ругательство и крепко ударил животное по ребрам. Лошадь зафыркала и запрыгала в сторону.

— Баранов доставишь — заберешь, — угрюмо сказал старик.

Оганес ехал горными дорогами под звездным небом, радостный, как в день свадьбы. Он видел табун золотых коней; кони паслись на зеленых склонах, гривы их под солнцем — точно костры. Оганес не ощущал холода горной ночи, не чувствовал, что роса ложится ему на плечи. Он ехал по горам под звездным небом и пел:

Лунная ночь... Что мне делать с собой?

Не идет ко мне сон, не идет ко мне сон...

Скажет прохожий, встретясь со мной:

«Знать, влюбленный он, знать, влюбленный он!»

Пастух Мартирос сидел на камне, томился и ругал себя. Что такое коробка спичек? Пустая вещь, копейка! И видишь ее во всех подробностях, и слышишь, как в ней спички тарахтят, а нет ее, нет ее в руках! И ведь лежит где-то, никому не нужная, на печке, на столе, лежит где-то, а вот здесь, где она нужна, нет ее, сатаны! Папироска обсосана до самого табака, ночь длинная — что будешь делать? Жди до завтра, пока со стоянки придет напарник!

Овцы сгрудились в кучу. За ними недоглядишь — вся отара перелезет на свежие участки. Но Мартирос не уснет. Отоспался за день. И Топуш не уснет. Огромная черно-белая кавказская овчарка лежала у ног пастуха, наострив обрезанные уши.

«Не взял я эти спички или потерял?» — с тоской думал Мартирос, натянув бурку на плечи и десятый раз хлопая себя по карманам. Вдруг Топуш повел ушами, поднял голову и залаял.

— Э-ге-гей! — крикнул чей-то голос.

Вот редкая, небывалая удача! Сейчас Мартирос закурит!

— Э-ге-гей! — отозвался он.

— Спишь? — громким голосом спросил Оганес, подходя к пастуху.

— Дай закурить, — ответил Мартирос.

Они оба закурили и молча стояли, жадно затягиваясь и глядя, как желтело небо, как явственней открывались вокруг синие горы.

— Плохой у тебя характер, Мартирос, — сказал наконец председатель, — даже спросить не хочешь, зачем я к тебе ночью приехал. Может, случилось что?

— Плохого не случилось, — невозмутимо сказал Мартирос. — Ты веселый приехал.

Оганес засмеялся.

Уже совсем рассвело. Овцы зашевелились, и сейчас было видно, как их много. Они покрывали весь склон горы.

— Сколько тут моих гуляет? — спросил Оганес, махнув рукой в сторону отары.

Мартирос недоуменно посмотрел на него.

— Каких? — переспросил он.

— Ну, моих собственных, — нетерпеливо пояснил Оганес. — В прошлом году пять овец, что ли, было. Приплод какой-нибудь тоже, верно, есть.

Мартирос Так же недоуменно покачал головой.

— Нет твоих, — сказал он. — Той осенью Афо трех овец забрала, к зиме опять пару взяла. Двух ягнят я ей этой весной пригнал. Ты со счету сбился, председатель. Спроси у жены.

Оганес почувствовал себя неловко.

— Я в эти дела не вхожу. Она хозяйка. Взяла — значит, ей надо было.

— Может, ты мне не поверишь — спроси у нее. Осенью трех забрала, к зиме еще двух. Это точно... Как же так...

Оганес тяжело опустился на камень. Золотой конь не давался в руки. Все отодвигалось, все становилось неверным. Пока купишь по одному этих баранов... Старик и так не хотел продавать коня, потом и вовсе раздумает. И ведь всего двенадцать баранов, двенадцать из этого моря, из этих тысяч! Да он их возьмет, в конце концов, — и все! Чьими руками это создано? Не его, Оганеса, руками? Что имел колхоз, когда Оганес стал председателем? Сто чесоточных овец имел...

Оганес сорвал с головы фуражку, с досадой швырнул ее на землю.

— Двенадцать баранов мне сейчас нужно, — сказал он сильным голосом.

— Оганес, — тихо ответил пастух, — одного, ну, двух я могу. Незаконно, но я твоё желание уважу. Потом оформишь. А двенадцать не могу.

— Ты и одного не можешь, — с горькой досадой сказал Оганес. — Я у тебя самовольно возьму. Получай мою расписку — и все!

— Нет, — вздохнув, ответил пастух, — не соглашусь я, товарищ председатель.

Оганес молчал. Пастух сбоку заглянул ему в лицо.

— На что тебе бараны, Оганес?

— Лошадь я думал купить. На азербайджанских кочевках. Золотая масть. Идет — блестит!

— Видел я, — вздохнул Мартирос. — Двенадцать баранов хотят! Совесть имеют?

Оганес злился на себя за то, что не мог переступить какую-то запретную черту и своей властью взять этих баранов. Что ему мешало? Он брал их не для забавы, не из прихоти. Будущее великолепие и богатство колхоза видел перед собой Оганес. Табун золотых коней на пастбищах. А на пути к этому стояли осуждающий и требовательный взгляд круглых глаз Овсепя и собственная трусость. Иначе Оганес не мог назвать чувство, которое мешало ему сейчас забрать овец.

И, думая так, он сердился на себя, на Мартироса, на стадо.

— Этого коня я, конечно, видел, — повторил Мартирос, глядя на отару, — орел-конь, джейран-конь...

— А если их табун вывести? Человек глазам не поверит. Это еще невиданное на земле будет.

Мартирос слушал молча, сдвинув брови. Потом он скинул бурку и нырнул в глубь отары. Раздвигая овец сильными руками, рассматривая их одну за другой, пастух вытолкнул на дорогу кучку животных с тяжелыми, трясущимися курдюками.

— Пять моих собственных, — сказал он, подходя к Оганесу, — четыре — брата моего, три — племянника.

Оганес встал.

— Я в роду старший, — сурово продолжал Мартирос, — имею право распорядиться. Только не знаю, как брат и племянник пожелают — или ты им деньгами отдашь или баранов взамен купишь. Это уж их дело, этого я не знаю.

— Я тебе расписку оставляю.

Оганес непослушными от холода и волнения руками полез в карман за блокнотом.

— Плевал я на твою расписку! — зло сказал Мартирос. — Спички оставь!

Оганес видел, что Афо лжет и выкручивается. Неестественными были ее многословие, суетливость и манера, с которой она изумленно поднимала брови.

— Я просто не понимаю: куда делись наши бараны? Не может быть, чтоб мы остались без баранов... Давай всё проверим. Помнишь, ты сам сказал: «Отправь пару в город, пусть твоя мама себе каурму на зиму сделает». Помнишь? Ты мне так сказал!

Оганес ничего не помнил. Он сумрачно кивнул головой.

— Одного, правда, я дяде отвезла. Когда он сына женил, на свадьбу. Ты тогда не поехал. Как мой дядя обиделся! Разве можно родственников обижать? Нехорошо ты сделал, что не поехал на свадьбу. Вообще, ты моих родственников не любишь...

— Ладно, — сказал Оганес, — довольно тебе!

Афо зорко следила за Оганесом. Не из-за баранов же он рассердился! На всякий случай Афо решила сама высказать свои обиды.

— О баранах ты спрашиваешь, — слезливо заговорила она, — а у меня ты спросил: «Здорова ты, жена? Ела ли ты? Пила?» Что я передумала, когда тебя всю ночь дома не было! Глаз с дороги не спускала. Овсеп приехал, эта ящерица Арус приехала, а тебя все нет. Для того я замуж выходила, чтоб всю ночь на дорогу смотреть?

— Разве я первый раз в горах ночую? — неохотно ответил Оганес.

— И всегда мое сердце болит, — подхватила Афо. — Смотри, на кого я похожа стала. Дома у отца я такая была? Соседи моей матери говорили: «У вас Афо веселая, как собачий хвостик». Где мое веселье? Люди глаза проглядели — завидуют тебе, что такую жену имеешь. А ценишь ты это?

— Хватит! — сказал наконец Оганес. — Теперь, раз баранов нет, мне деньги нужны.

Афо перестала плакать. Она подняла голову и посмотрела на мужа угольно-черными глазами.

— На что тебе деньги?

— Лошадь я купил, — ответил Оганес. — Пойдешь в сберкассу, снимешь с книжки девять тысяч.

— Ты что, меня за сумасшедшую считаешь?

— Афо, — сдерживая себя, проговорил Оганес, — послушай меня: я двенадцать баранов у Мартироса взял. Мне расплатиться надо. Я слово дал.

— Слово ты дал? — завизжала Афо. — Ветру свое слово отдай! Нет у тебя денег. Об этом ты подумал? Я должна восемь часов на почте спину гнуть, работать, копейки собирать, а ты их в одну минуту развеять хочешь! Ты со мной, с женой, советовался, когда слово давал? Или я в этом доме ничто? Нет! Кончились те времена, когда женщина с завязанным ртом ходила. Ты меня старому не заставишь жить.

— Замолчи, — прохрипел Оганес и отшвырнул стул ногой, — чтоб я голоса твоего больше не слышал!

— Убей, — не замолчу, убей — не замолчу! — надсаживалась Афо. Она взвинтила себя до истерики, била кулаками по голове, растрепав свои жесткие кудри.

Оганес, тяжело ступая, вышел на улицу.

Овсеп недавно пришел с поля. Он сидел у своего стола, разминая в руках крупные зеленые листья табака. Рядом с ним стоял бригадир Серго Гамбарян. Секретарь и бригадир раздумывали, как повесить сортность сдаваемого табака, когда в комнату вошла возбужденная и шумная Афо.

— Куда вы ездили с Оганесом? — со слезами в голосе спросила она, облокотившись руками на стол.

— Оганес вернулся, я видел, — предупредительно сообщил Серго, — лошадь с собой пригнал. Такую красивую лошадь! — Бригадир покрутил головой и зацокал языком.

— Разрушила мой дом эта лошадь! — со злостью крикнула Афо. — У Оганеса разум унесла эта лошадь. Двенадцать баранов из стада отдал он за нее! Это поступки разумного человека? Я к тебе пришла, Овсеп.

Ошибся Оганес, очень ошибся. Растолкуй ему ошибку, поправь дело.

Овсеп сморщил лицо.

— Ты ступай, — оказал он Серго, — мы потом все обсудим.

Он поднялся и закрыл за Серго дверь, но в комнату, помимо желания его, протиснулась Арус.

— Ах, Афродита, Афродита, — сказала она, — не очень ты уважаешь своего мужа! На все село слышно, как кричишь об его ошибках.

Арус часто называла жену Оганеса полным именем, которое ей дали при рождении. Афо при этом всегда настораживалась. Сейчас она с удовольствием ответила бы: «А ты, ничья жена, сперва сумей заполучить себе хоть какого-нибудь мужа, а уж потом учи других!» Но Афо знала, когда надо сдержаться, и сдержалась.

— Я не куда-нибудь пришла, — ответила она с достоинством, — я к старшему партийному товарищу пришла за советом. Человека поправлять надо. Пусть Оганеса в райком вызовут, пусть ему внушение сделают.

— Где, говоришь, он баранов взял? — угрюмо спросил Овсеп.

— У Мартироса, на кочевке, — охотно ответила Афо.

— Нет, Афо, милая, тут не внушением пахнет, — опять вмешалась Арус. — Тут дело серьезно. Хорошо, если только с председательства снимут. А если под суд отдадут? Будешь мужу в тюрьму передачи носить?

Арус и мысли не допускала, что Оганес в чем-то виноват. В его поступках не могло быть ничего корыстного, недостойного. Это Арус знала твердо. Все остальное не имело для нее значения. Но ей доставляло удовольствие дразнить Афо. Арус с усмешкой наблюдала, как испуганно глянули черные глаза, как щеки и шея Афо покрылись красными пятнами.

— А что ты думаешь, за такие дела и жена отвечает, — продолжала она, не обращая внимания на то, что Овсеп предостерегающе и строго оказал ей: «Брось, Арус!» — и не замечая, что дверь за ее спиной открылась и вошел Оганес.

— Моего мужа в тюрьму? Чтоб у тебя язык отсох! — не выдержала наконец Афо. Она растерянно огляделась и, увидев Оганеса, бросилась к нему. — Ты слышишь, что она говорит?! Ты слышишь?!

— Какие у тебя здесь дела? Ступай домой!

— Почему у меня не может быть здесь дел? Я тоже на государственной работе, — огрызнулась Афо. — Смотри, Овсеп, он слова не дает мне сказать! Овсеп поднял глаза и коротким движением головы указал Афо на дверь. «Я тут как-нибудь слажу твое дело», — расшифровала Афо этот жест и, скорбно опустив голову, вышла из комнаты.

Арус шагнула к стене и опустилась на стул с тяжелым чувством непоправимости того, что произошло.

Оганес, не глядя на нее, подошел к столу Овсепа.

— Вот так, Овсеп, — сказал он, — живешь рядом с человеком, работаешь вместе не день, не два. Думаешь — он тебе товарищ, опора твоя в трудный час. А выходит — чуть что не так, этот товарищ первый кричит: «В тюрьму его!» За твоей спиной кричит. Ты мне скажи, Овсеп: можно свой труд делить с таким человеком?

Начал он тихо, а последние слова почти кричал. Что Арус могла ему сказать? Как объяснить? С трудом встала она со стула и вышла из комнаты.

— Это ты напрасно, Оганес, — тихо сказал Овсеп. — Совсем тут другое дело было...

Оганес будто не расслышал. Он подошел к окну и стал смотреть вниз, на село.

— Ты что, лошадь купил? — спросил Овсеп.

— Купил. Дальше что? — вызывающе ответил Оганес.

— Твое дело. Только каких овец за нее отдал? Афо говорит — из стада взял.

Оганес невесело усмехнулся.

— Эх, Оганес, — с горечью сказал он. — Кто у тебя спросил, о чем болит твое сердце? Жена спросила? Друг спросил? Всю жизнь мы с тобой рядом, Овсеп. Чего ты боишься? Думаешь, колхозных овец я забрал? Не бойся, мне Мартирос своих дал.

— Нет у Мартироса двенадцати овец.

— А ты все знаешь? И сколько у кого овец знаешь?

Овсеп молча наклонил голову.

— Он мне и Мисака овец дал, и Каро овец дал. Считай, считай! — устало сказал Оганес.

Овсеп вытащил из кармана потемневший деревянный портсигар и достал папиросу. Долгое время мужчины молчали.

— Ай, Оган! — проговорил наконец Овсеп, затушив папиросу. — Теперь ты сам скажи: разумно это? У нас столько дел, столько забот, а ты увидел блестящую игрушку и все забыл...

— Что я забыл? Ничего не забыл, — ответил Оганес. — Эта лошадь не игрушка. Породистая лошадь. Золотая масть. Как картина, она красивая!

— Красивая, — повторил Овсеп. — Погнался ты один раз за красотой — что хорошего увидел? — Он вздохнул, посмотрев на понурую фигуру Оганеса, и опять заговорил своим негромким, глуховатым голосом: — А лошадь должна быть лошадю. От нее работа требуется — хоть от черной, хоть от золотой. Разве она лучше будет бежать, быстрее повезет тебя оттого, что золотая? — Никак она меня не повезет, — горько ответил Оганес, — не может она везти. Больная лошадь. Задыхается. Запал у нее.

Афо знала, что в конце концов она все уладит и все будет так, как ей угодно. Недаром отец Афо, лучший в городе специалист по ремонту керосинок, говорил про дочь: «Моя Афо троих сыновей стоит. Глубокий разум имеет...» То, что Оганес вторую ночь не спал дома, — тоже к лучшему. Афо знала, что он ночевал в табачной сушильне. Урона для жены в этом нет, а Оганес теперь настолько виноват, что у него на голове хоть орехи коли. Зато, когда вечером явился с кочевок пастух Мартирос, Афо поговорила с ним с глазу на глаз.

Мартирос принес в дар Афо связку форели. Пастухи ловили ее в горных реках руками. Он сокрушенно справлялся, точно ли помнит Афо, сколько баранов у нее было и сколько она забрала. А то председатель задает вопрос: сколько в стаде его баранов? А пастух как потерянный стоит перед ним. Очень неудобно получилось!

— Ты передо мной спектакля не разыгрывай! — раздраженно накричала на пастуха Афо. — Неудобно ему было! Ты не за этим пришел. Ты за деньгами пришел, а денег не получишь. Если ты честный, порядочный человек, то сказал бы: «Не покупай, Оганес, лошадь». А ты перед председателем в хорошем свете хотел себя выставить, баранов ему отдал. Вот теперь пожалеешь.

— Что лошадь! — вздыхал Мартирос. — Лошадь хорошая — почему не купить? Ну, мое имущество — черт с ним! Я о своем не так думаю. Там Мисака и Каро бараны были...

— Откуда Оганес возьмет деньги? Нет у нас таких денег. Вон Овсеп говорит, что он за эту лошадь в тюрьму сядет.

— Кто в тюрьму? Оганес? О чем ты говоришь, женщина?

— Что я знаю? — плакала Афо. — Рухнул мой дом. Только одно средство есть. Ты сделал ошибку, ты сам исправляй. Съезди на кочевки. Скажи — совесть надо иметь. Пусть не губят человека, пусть вернут баранов и заберут свою лошадь.

Мартирос даже не переночевал дома, в тот же вечер отправился обратно в горы. Но не было Афо покоя от этой лошади. Утром жену председателя разбудили ребятишки. С самой зари вертелись они около сарая, где была заперта лошадь. Ловкие, как кошки, ребята карабкались по стене, добирались до окна и восхищенно визжали. Когда разгневанная Афо выскочила во двор, мальчики хором потребовали:

— Покажи коня Джалали!

Афо швырнула в них полынным веником.

— Ай, ханум, ай, красивая ханум! Зачем так сердиться? — сказал за ее спиной невысокий старичок. Он вошел во двор широко улыбаясь. Низко поклонился Афо и спросил Оганеса.

— Скоро, скоро придет председатель, — заторопилась Афо.

Она выглянула на улицу: не видно ли баранов? Баранов не было. И Афо поняла, что ей придется пустить в ход все свое красноречие. Она ввела старика в дом, усадила его за стол. «Вино азербайджанцы не пьют, они чай любят», — решила про себя Афо, достала прошлогоднее засахаренное ежевичное варенье, коробочку рахат-лукума и налила гостю чай — темный, как виноградный мед. Старик улыбался спокойной, благодушной улыбкой и живыми глазами осматривал все вокруг.

— Хорошо живет председатель Амирян, — любезно сказал он.

— Э-э!.. — вздохнула Афо. — Кто сочтет наши заботы? Из долгов не вылезает.

— Наш народ говорит: «Если твой долг перевалил за тысячу, кушай плов с курицей!» — весело отозвался старик.

— Плов кушать вы будете, — не выдержав, сказала Афо. — За одну лошадь двенадцать баранов брать — можно плов кушать.

Старик снова улыбнулся.

— Я тебе так — скажу, ханум. Вот весной я в городе был, костюм себе покупал. Был в магазине костюм — очень мне понравился. Посмотрел я на цену. Вижу — дорогой костюм. Не могу столько заплатить. Ну, я этот костюм не купил. Кто меня может заставить?

— А все-таки, вот у кого хочешь спроси, нехорошо ты сделал, — игриво-обиженно заявила Афо. — Каждый год на кочевки к нам приезжаешь, скот на нашей земле пасешь, нашу воду пьешь, — можно было бы один раз и нам уважение оказать.

— Ай, ханум, — покачал головой старик, — все учитываешь: и землю, и воду и солнце! Трудно нам будет с тобой сосчитаться.

Афо к этому и подводила. Тут она и хотела сказать: «Верни баранов, забери своего коня — и квиты!» Но в это время совсем некстати появился Оганес. Пришел он пыльный, встрепанный, в помятой гимнастерке.

— Здравствуй, Ильяс, здравствуй!

Двумя руками потряс руку старика, а на жену даже не взглянул.

— А мы тут без тебя, товарищ Амирян, сильно кутили, — посмеивался Ильяс, — чай пили — папиросы курили, папиросы курили — чай пили.

Оганес оглядел угощение.

— Собери на стол! — коротко приказал он жене.

— А как же, а как же, только тебя ждала! — заторопилась Афо.

Она поставила на стол желтую персиковую водку, форель и потонувшую в масле глазастую яичницу. Она металась от стола к шкафу, бегала в кухню, спускалась на огород за зеленью. Расширенными глазами она ловила каждое движение мужа, но Оганес не смотрел в ее сторону.

— Выпьем, отец, за честь. Хорошая вещь — честь! — сказал Оганес, поднимая рюмку.

— Обижаясь на меня, товарищ Амирян? — тихо спросил старик.

— Что обижаться! У нас говорят: «Если тебя обманул свой глаз, не держи обиду на чужой глаз!» — рассмеялся Оганес.

— Хорошо говорят, — согласился Ильяс. — У вас еще говорят: «Лучше потерять глаза, чем имя». Я твоих баранов пригнал, председатель. Они у пастуха Мартироса во дворе стоят.

— Ты знал, что конь больной?

— В ту ночь, когда мы встретились, я от ветеринара возвращался. Разве я хотел продавать коня? Я тебе и так говорил «нет», я тебе и по-другому говорил «нет». Цену назначил огромную, уступку не сделал. А ты был на все согласен...

— Так для чего ты теперь обратно баранов пригнал?

Старик усмехнулся:

— Это две жены виноваты. Две! — Он поднял вверх указательный и средний пальцы маленькой коричневой руки. — Одна моя — ну, старая, глупая женщина. Целый день говорит, говорит: «Почему ты больного коня продал? Плохо ты сделал, что этого коня продал». Голова у меня заболела! А другая — твоя жена, она большой ум имеет. Человека прислала, плачет: «Муж чужих баранов взял, денег нет, мужа в тюрьму посадят!» Пожалел я тебя, председатель.

Оганес поднес руку к лицу и на секунду закрыл ладонью глаза. Потом он сразу выпрямился и рассмеялся, широко раздвинув губы над крупными белыми зубами.

— Зря, зря ты пустых бабьих разговоров послушал, Ильяс! Погонишь своих баранов обратно.

— Это почему, председатель?

— Продано — кончено. Выпьем, вспырснем куплю-продажу!

Резко хлопнула входная дверь. Афо выскочила из дома и побежала на улицу.

— Товарищ Амирян, — очень серьезно сказал Ильяс, — весь этот разговор в сторону отставим. Забери баранов, отдай лошадь!

— Ни за что не отдам, — смеялся Оганес. — Я вашего председателя через несколько лет в гости позову. Табун золотых коней у меня гулять будет. Пусть любуется. Тогда пару вашему колхозу на развод продадим. Дешево уступим, как близким соседям. По двенадцать больших баранов возьмем. Выпей, Ильяс! Дверь распахнулась без стука. Открыла ее Афо, но сама быстро спряталась за спины мужчин. В комнату вошли Овсеп, кузнец Аслан Заминан и один из бригадиров — Никол Тотоян. Гости поздоровались за руку с Ильясом, и хотя все трое уже виделись утром с Оганесом, поздоровались за руку и с ним. Афо подкинула на стол стаканчики, тарелки. Оганес разлил водку.

— Ну, будем здоровы! — коротко сказал он.

— Твое здоровье! Будь здоров! Будь весел! — степенно ответили гости и выпили.

— Что замолчали? За вином говорить надо, — объявила Афо.

— Пришли, помешали немного. Гость гостя не любит, — сказал Заминан и подмигнул Ильясу.

— Какие мы гости! — возмущенно запыхтел Никол. — Я от молотилки шел, пыльный, грязный. — Он взялся за борта своего выгоревшего, рыжего пиджака. — Разве так в гости ходят? Афо встретила, говорит: «Иди скорей к нам, Оганес для колхоза коня покупает». Ну, я за этим и пришел.

«Членов правления собрала», — подумал Оганес.

— Посмотрим, посмотрим коня, — сказал Заминан. — Оганес плохого торговать не станет.

Конь стоял в сарае, высоко подняв маленькую сухую голову и наострив уши. Широкая солнечная дорожка тянулась от окна, прорезанного под крышей, и падала на пышную гриву. Тщательно расчесанная шерсть лоснилась, и каждый волосок отливал металлическим блеском.

Оганес подошел к коню, вздохнул и провел рукой по морде с чуть вздернутым кончиком носа.

— Араб, — тихо оказал он.

— Кяглан-конь, — подтвердил Ильяс.

Оганес посмотрел на него и сказал громко и твердо:

— Однако у этой лошади запал. Ездить на ней нельзя, работать нельзя. Я думаю — мы с этим конем ферму создавать будем.

Только теперь Оганес посмотрел на лица своих спутников. Равнодушно смотрел на лошадь Овсеп, восторженно-радостно кузнец Замянян, а Никол поворачивал голову то к Овсепу, то к Замяняну, то к Оганесу.

— Такого коня испортить, ах! — с досадой выругался Замянян. — Какая ему сейчас цена после этого?

— Двенадцать баранов стоит, — коротко сообщил Оганес.

— Погубили коня, а? — не успокаивался Замянян.

Он обошел лошадь со всех сторон, осмотрел ноги, проверил подковы, заглянул в рот. Конь отфыркивался и мотал головой.

— Дорого, — сказал Никол, посмотрев на Овсеп. — Очень дорого! — быстро добавил он. — Над нами люди смеяться будут, что за больную лошадь такую цену дали.

— Совсем напрасно говоришь, товарищ, — вмешался Ильяс. — Мой отец за одну собаку овчарку десять баранов отдал — никто не смеялся.

Овсеп нахмурился, а Никол быстро подхватил:

— Овчарка! Овчарки бывают, что волка один на один загрызают. За такую овчарку можно десять баранов дать. А в этой больной лошади какой толк?

— Если ты в ней толку не понимаешь, товарищ, я тебе объяснить не могу, — сдержанно сказал Ильяс. — Ты не обижайся. Дедушка Крылов такую басню писал: «Петух и одна жемчужина». Не слышал? А коня я не продам. Я его обратно заберу.

— Куплен уже конь, — вдруг неожиданно сказал Овсеп. — Что зря говорить! Теперь надо думать, какую пользу он может дать.

— Пользу! — закричал Замянян. — Я на него смотрю, у меня душа радуется — уже мне польза! Спасибо, председатель, хорошо сделал, что купил. Такой конь по селу пройдет — людям праздник сделает.

— А я что сказал? — оправдывался смущенный Никол. — Я тоже говорю: праздник сделает. Только двенадцать баранов — дорого. Уступить надо.

— Ничего! Сделаем уважение соседям. Сколько просят, столько дадим. Наш колхоз выдержит отдать двенадцать баранов! — горячился Замянян.

Овсеп не переносил таких необдуманных заявлений.

— На правлении решим, — закончил он, натянув на голову черную фуражку. — Работать надо. Пошли! — И первый вышел из сарая.

Когда Оганес вернулся в дом, Афо стояла посередине комнаты. Ее лицо было взволновано ожиданием.

— Ну, что? Заплатят? — спросила она, едва Оганес закрыл за собой дверь.

— С грязью смешала ты имя своего мужа, женщина! Как мне теперь смотреть на твое лицо? — с гневным презрением сказал ей Оганес.

Арус ехала на бричке и плакала. У нее не текли слезы и лицо оставалось спокойным, но сердце содрогалось от рыданий. И Арус все больше растревляла себя, вспоминая, как презрительно говорил о ней Оганес, как, виновато опустив голову, вышла она из комнаты. Кто она была для него? Зоотехник Арус. А сейчас он на нее и смотреть не захочет. А что она для других? Пройдут ее лучшие годы, и для всех она будет зоотехник Арус. Никто и не заметит, что у нее маленькие, красивые руки, никто не узнает, какое у нее преданное, верное сердце. А рядом с ним будет всегда Афо. Афродита! И ничего не сделаешь, ничего! Как жить?

На окраине села Арус соскочила с брички. В послеобеденный час улица была пустынной. Опустив голову, Арус медленно шла к себе. Ее окликнул глуховатый голос Овсеп. Он стоял на дороге в своем обычном синем пиджаке и защитного цвета брюках, заправленных в пыльные сапоги.

— Ты вот что, сходи сейчас к Оганесу. Определи, что с этим конем. Опоен он, что ли? Посмотри — можно его лечить? Годен он на племя?

— Я не ветеринар, — сухо ответила Арус.

— Ветеринар в горах. Ты понимаешь не хуже его.

— Спасибо за высокую оценку моих знаний! — ядовито сказала Арус. — К Оганесу я не пойду.

Овсеп внимательно посмотрел на нее. Невысокий, невзрачный, он был такой простой, такой земной, что при нем невозможно было страдать о недостижимом.

— Он меня обидел, — пояснила Арус.

— Пустое! Оганес про это давно забыл. Ты сходи.

— Я не забыла. У меня хорошая память.

Арус быстро пошла по дороге, но Овсеп зашагал с ней рядом.

— Ты хорошую память береги на хорошие дела. Что за обиды в общем деле?

— У тебя все слишком просто, Овсеп!

— Я человек простой, — согласился Овсеп. — Плохого в этом не вижу.

— Это Афо опоила коня? — спросила Арус.

— Почему Афо? Такого купил. Не смотрел. Хозяин обратно баранов пригнал, Оганес не отдал лошадь.

— Оганесу все можно, — с горечью сказала Арус. — Ему все прощаете.

— Ничего Оганесу не прощаем, — тихо сказал Овсеп. — Мы его строго любим.

— За что? — почти крикнула Арус. — За что ты его любишь?

— Оганес — хороший человек, — твердо сказал Овсеп.

— А-а! Хороший, плохой — что это значит? Ты хороший? А я какая?

— Хороший — значит хороший, плохой — плохой, — спокойно пояснил Овсеп. — На кого сердишься? Лишнее это. Был я моложе, сам немного сердился. А потом подумал: одно дело делаем. Если Оганес далеко видит, я буду под ноги смотреть...

— А я не хочу под ноги смотреть! — вызывающе сказала Арус.

Овсеп негромко засмеялся.

— Ты тоже вперед смотри, — разрешил он, останавливаясь у перекрестка, и добавил серьезно: — Значит, определи, какой толк к этому коню дать. Люди очень интересуются. Приходят один, другой. Красивый — говорят. Было

время — всякому радовались. Теперь красивого людям нужно. Что сделаешь? Это хорошо! Пусть будет красивый...

Арус распахнула дверь сарая и вывела коня во двор.

— О чем ты думал? Двое суток держал такую лошадь без движения! — строго выговаривала она Оганесу.

Конь обрадовался воздуху и солнцу. Широко раздувая ноздри чуть вздернутого носа, он переступал с места на место тонкими ногами, будто собираясь танцевать. Ребятишки, весь день караулившие у двора, осмелели и пробились в ворота. Сперва они, притихшие от восхищения, держались на расстоянии, но, быстро поняв, что их не собираются гнать, обступили коня и заверещали:

— Дядя Оганес, это конь Джалали?

— Дядя Оганес, я поеду на нем! Один раз, один раз! Можно?

— Это племенной конь нашего колхоза, золотая масть, — важно отвечал Оганес. — Когда будем вас женить, у колхоза табун таких коней будет. За невестами поедете на золотых конях. Кто таким женихам откажет?

— Поведем коня к речке, — предложила Арус.

Они шли по селу, окруженные ребятишками. Оганес взял коня под уздцы.

— Если к этому цвету и осанке прибавить выносливость наших горных лошадей... какой конь будет! А? Какое дело сделаем! Получится, Арус? Как ты думаешь?

— Будем добиваться, — отвечала Арус.

Полчаса назад она входила во двор Оганеса, сдерживая волнение. Сперва думала завернуть домой, переодеться, умыться. Потом на все махнула рукой, заторопилась и пошла как есть — в короткой юбке, помятой блузке, пыльная, растрепанная. У самого дома председателя она спохватилась, вынула из кармана пудреницу, но тут же раздумала — ни к чему!

В дом Арус не вошла. Она сразу направилась к сараю. Дверь была полуоткрыта. Оганес сидел возле коня на какой-то деревянной рухляди и что-

то жевал. Он не сразу узнал Арус, а когда присмотрелся, вздохнул и поднялся, вытирая руки о брезентовую куртку.

«Оганес, — сказала Арус, — все было не так... Ничего плохого я о тебе... Никогда!» — И она замолчала.

Она могла заплакать, если бы он не сказал просто и очень искренне: «Бывает, Арус, ошибается человек. Это ты хорошо сделала, что пришла. — И тут же попросил: — Посмотри коня. Хорош?»

Будь этот конь самой последней клячей, он показался бы Арус прекрасным. Она осмотрела и выслушала его.

«Ездить ты на нем не будешь, — определила она, скрывая за деловитостью беспричинную живительную радость. — На племя мы его пустим. Золотая масть — первый приз сельскохозяйственной выставки. Нравится это тебе, председатель?»

Оганес улыбнулся.

Он и сейчас улыбался, ведя лошадь по деревне. Он радовался тому, что люди останавливались и долго смотрели вслед...

— Завидный конь, — оказала матушка Шушан. — Только слух есть — обманули нас. Болезнь у него, работать не может. Верно это, Оганес?

— Что мы его, для работы брали? — гордо сказал Оганес. — Мы его на племя брали. Нас легко не обманешь!

Когда они подошли к речке, солонце уже садилось. Широкие лучи, как развернутый сноп, вырывались из-за волнистой линии гор. Блестела река. По одну ее сторону лежало село, по другую тянулись поля — желтые там, где уже сняли хлеб, темно-зеленые там, где стоял табак.

Оганес и Арус стояли на берегу и смотрели, как золотой конь, вытянув шею, ловил губами быструю воду. Ребята расположились у самой воды, влезли по колено в реку; более взрослые уже купались, поднимая фонтаны брызг.

С пригорка к реке бежал во всю прыть маленький мальчуган.

— Опоздал! — засмеялась Арус.

Но мальчишка добежал до Оганеса, сосредоточенно пыхтя, снял с головы шапку и достал из нее белый листок.

— Телеграмм! — нахмутив брови, сообщил он.

Оганес развернул телеграмму.

— Завтра утром геологи приедут запас воды в горах определять, — сказал он. — Что в комнату геологам надо, Арус? Ты знаешь.

Арус беспричинно засмеялась.

— Я телеграмм нес, — сердито сказал мальчик. — Я на лошадь сяду.

Оганес подхватил мальчонку и посадил его на коня. Мальчик вцепился в пушистую гриву и блаженно замер.

Солнце уже совсем ушло за горы; розовый свет лежал на реке, на полях, на смуглых телах ребятишек, на золотом, пышногривом коне.

А Оганес вдруг увидел черные тени деревьев на желтой земле, услышал тяжелое дыхание бегущего скота и тягучий скрип арбы. Тревогой и страхам было охвачено все вокруг. А потом на лесную поляну вышел золотой конь и скрылся в лесу, перелетев через черный пень.

Оганес тряхнул головой и улыбнулся.

— Держи его крепче, малыш! — крикнул он. — Крепче держи!.. Теперь мы его уже не упустим!..